

Содержание

Ольга Макаревич. Доклад Н. С. Лескова «о способе составления книги против вреда праздности и разгула во время праздников»: текст и комментарий	187
Анна Вишневская. Сонетное мифотворчество П. Д. Бутурлина	230
Владимир Емельянов. Sumero-rossica	239
Анастасия Митина. Символика и мотивы «самой страшной книги» (по эпопее И. С. Шмелева «Солнце мертвых»).	260
Николай Гуськов. Судьба доктора Гурфинкеля (к творческой истории пьес Ю. К. Олеси)	266
Елена Андреянова. Влияние супрематических идей К. Малевича на поэтические концепции пространства в творчестве Г. Айги 1960–1980-х годов	289

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

Тираж 500 экз.

2017 XIII (3)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

2017 (3)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель

К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)

Проф. И. Ю. Виницкий (Филадельфия, США)

Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)

Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)

Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)

Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)

Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

№ ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letnáâ škola

Сдано в печать 22 декабря 2017 года

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2017

© «Летняя школа по русской литературе», 2017

Информация об авторах

Ольга Макаревич, кандидат филологических наук, научный редактор журнала «Русская литература», Санкт-Петербург, Россия
philologolga@gmail.com

Анна Вишневская, магистрант Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия
arianakosareva@gmail.com

Владимир Емельянов, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
banshur69@gmail.com

Анастасия Митина, студентка Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия
nastya.mitina@rambler.ru

Николай Гуськов, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
kakto@mail.ru

Елена Андреевна, студентка Ивановского государственного университета, Иваново, Россия
lenaluna139@yandex.ru

АНАСТАСИЯ МИТИНА

(Саратов)

СИМВОЛИКА И МОТИВЫ «САМОЙ СТРАШНОЙ КНИГИ»

(по эпопее И. С. Шмелева «Солнце мертвых»)

В данной статье рассмотрены символы и мотивы романа И. С. Шмелева «Солнце мертвых». В результате анализа удалось выявить ключевые символы и образы, без понимания которых теряется замысел автора. Это образ солнца и смерти, увядания и возрождения.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, неореализм, эпопея, солнце, христианские мотивы.

In this article explored I. S. Shmelev's symbols and motives in the novel «The Sun for Dead». In the result it was possible to identify keys symbols and images. Without it the author's idea would have been lost. This is the image of the sun and death, collapse and revival.

Key words: I. S. Shmelev, neorealism, the epic, the sun, Christian motifs.

Эпопея «Солнце мертвых» создавалась И. С. Шмелевым в 1923 году в Париже и Грассе. На череду внешне не связанных друг с другом историй повлияла личная драма писателя — гибель сына Сергея. О страшной трагедии, сломившей Шмелева, свидетельствуют «Сны о сыне» — наброски, каждый из которых заканчивается кошмаром: мертвенно бледное, изможденное лицо Сергея на фоне повседневной действительности. Но «Солнце мертвых» — иная трагедия. О смерти сына в ней ни слова, зато гораздо масштабнее говорится о гибели всего привычного: «Бога у меня нет: синее небо пусто».¹ И от этого повествование становится еще более личным, еще более жутким. Многие знаменитые писатели, а среди них Т. Манн, Г. Гауптман, С. Лагерлеф, считали кни-

¹ Шмелев И. С. Солнце мертвых // Собр. соч.: В 5 т. М., 1998. Т. 1. С. 468.

гу «О смерти русского человека и русской земли»¹ самым сильным и отчаянным из всего созданного Шмелевым.

Эпопея «Солнце мертвых» — неореалистическое творение. По словам Т. Т. Давыдовой, «Шмелев обогащал свой творческий метод достижениями символизма, импрессионизма, экспрессионизма, примитивизма, то есть создавал новый реализм».²

В «Солнце мертвых» Шмелев «выступает прежде всего как “художник обездоленных”, рассказывает о страданиях самых незащитных: стариков, детей, женщин, что остались в медленно затягивающейся петле голода».³ Сквозь страдания конкретных героев мы видим страдания всего народа, всей страны от лица «красного террора». Произведением наиболее «антибольшевистским»⁴ во всем творчестве Шмелева назвал «Солнце мертвых» А. Г. Соколов, обратив внимание на жанровую форму эпопеи. Происходящее осмысливается Шмелевым не просто в общероссийском, но в мировом масштабе. Драма превращается в трагедию. Писатель изображает схватку Добра и Зла как постепенную гибель всего живого — вместе с людьми и природой — и наступление мифологического Царства Мертвых.⁵ С помощью образов-символов автору удалось передать мистическое, жуткое ощущение краха.

Стоит отметить, что все происходящие события обобщены, а сам роман не имеет сюжета, не содержит динамично развивающегося повествования. Несмотря на это, география романа обозначена предельно конкретно: в крымском городке можно узнать Алушту, многократно упоминается почти мифическая в контексте произведения Ялта. Хотя в профессоре угадывается И. М. Белоусов, присутствуют отсылки и к другим реально существовавшим персонам,

¹ Там же. С. 4.

² Давыдова Т. Т. Русский неореализм: Идеология, поэтика, творческая эволюция. М., 2005. С. 43.

³ Осьминина Е. «Художник обездоленных» // Шмелев И. С. Собр. соч. Т. 1. С. 10.

⁴ Соколов А. Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. М., 1991. С. 119.

⁵ Осьминина Е. «Художник обездоленных». С. 11.

большинство героев обобщены. Здесь есть персонаж-трус, персонаж-злодей, персонаж-интеллигент. И каждый из них пытается выжить в этом страшном, вставшем с ног на голову мире.

Время здесь тоже течет по-особенному. Само художественное время длится с августа по весну, когда зацветает миндаль и, казалось бы, идет размеренно. Но возникает мотив сна, пекла, дремоты, который затормаживает ход времени, делает его вялым, как во время болезни. Эта сгущающаяся жара, безвременье, окружающая героев болезненность являются символами тотальной смерти, которая мистически приходит к героям. Любопытно, что слова с емой «смерть» и «солнце», вынесенные в заглавие, употребляются наиболее часто. Каждый герой так или иначе связан со смертью: он либо убивает, либо убивают его. Смерть в тексте — полноценное действующее лицо, она персонифицируется: «Смерть у дверей стоит и будет стоять упорно, пока не уведет всех. Бледною тенью стоит и ждет!»¹ Она преследует и героя-повествователя, и ее тень мы видим в нескольких эпизодах. В первом эпизоде — при разговоре с доктором о крови, об убитых животных и людях. В этой экзальтированной, надрывной истории повествователь вдруг видит странное: «— Пойдите, доктор... Вам не кажется, что все небо в мухах? Мухи все, мухи...»² Доктор подумал, что у его собеседника от голода помутилось в глазах, но в этом возгласе прослеживается и отсылка к Эриниям. Недаром эти греческие богини изображались там, где лилась кровь, где брат предавал брата. Так и здесь — на кровавые, жестокие события слетелись эти предвестницы настоящего ада на Земле. В другом эпизоде рассказчик сидит на холме и размышляет о своей жизни, как вдруг слышит чьи-то шаги: «Усталые, тихие шаги. Ты это... Мы сидим с тобою плечо к плечу и молчим. Думаем... Не о чем теперь думать. Камни так думают, тысячи лет лежат в неподвижной думе. В ничто уходят — стираются, пропадают. Видишь — упала звезда, черкнула огневой нитью... Подумала ты, я знаю... но это не может сбыться.

¹ Шмелев И. С. Солнце мертвых. С. 620.

² Там же. С. 505.

Не надо пытаться и звезды: они никогда никому не сказали слова, — те же камни».¹ Повествователь уже не удивляется своей спутнице: как и все жители деревни, он привык к ее вечному, неотступному присутствию. В том, что смерть уже не видится чем-то страшнее жизни, заключается настоящая трагедия произведения.

Второй наиболее частотный образ — солнце. В первой части эпопеи солнце упомянуто 58 раз — жизнь медленно идет к концу, который одновременно — новое начало, жизнь освещается солнцем и опалается им. Во второй части солнце одерживает верх всего 13 раз, пустыня, зима, «доживание» еще не умерших берут верх. В завершающих главах солнце появляется всего лишь девять раз, что еще больше подчеркивает движение к краху: «Смотрю за балку: на балконе Павлин уже не встречает солнце»,² «Бежит полоса, бежит... и гаснет. Воистину — солнце мертвых!»,³ «Это — солнце смерти».⁴ Таким образом, солнце передает мотив воскрешения и увядания, оно начинает действовать активно в последних строчках эпопеи, символизируя явное движение к Возрождению.

В эпопее тесно прослеживается связь с мифологией и религией. Бог солнца Ярило, «бог весенних гроз, олицетворяет собой оплодотворяющую силу весеннего Перуна. Он совмещает в себе понятия: весеннего света и теплоты; юной, стремительной, до неистовства возбужденной силы, любовной страсти».⁵ Корень «яр» соотносился с понятием Яви. Явь для славянина — полная противоположность наваждению, это сама реальность, причем реальность блага и света.⁶ Исходя из этого, торжество Ярила, солнца можно назвать торжеством Яви и Правды.

Обобщенное изображение солнца — это круг, который является главным образом эпопеи. Круг — солярный символ, благодаря ему упорядочиваются суточные, годовые циклы —

¹ Там же. С. 520.

² Там же. С. 572.

³ Там же. С. 621.

⁴ Там же. С. 481.

⁵ Славянская мифология: Словарь-справочник. М., 1998. С. 68–69.

⁶ Там же. С. 10.

циклы жизни. Круг — это единство, законченность и порядок.

Христианские мотивы как противостояние пришедшим дням также характерны для эпопеи. Вор Андрей, заставивший голодать семью Антонины Васильевны, вымаливает у нее кусок хлеба. И в этой сцене — возвращение заблудшей души, которой привычны законы нового мира, к православным истокам, к человеческим отношениям — тому, что осталось в мире старом. «— <...> Отрезала ему кусочек, теплый еще. Так и вцепился. И... покрестился, как из рук хлебушка взял! Так мне это понравилось!.. Душа-то православная...»¹

«Православие души» — единственное, что позволяет выживать в этом изменившемся мире. Новый режим отнимает не только паек — он отнимает еще и память, связь с корнями. Так, доктор жалуется: «Сегодня я забыл — “Отче наш”! Три часа вспоминал — не мог! Пришлось открывать молитвенник».² Такая искусственно изъятая духовность доставляет людям боль и страдания. Они лишены физической пищи, и еще их пытаются лишить пищи духовной.

Люди вынуждены распродавать свои вещи, и в этом тоже — попытка «раскулачивания» духовности. Здесь люди жили предметами, которые были частичкой души. Особого трепетного отношения заслуживали даже деревья и домашняя скотина. Антонина, которой тяжело прокормить своих родных, тоже должна продать частичку себя — свои бусы: «Я понимаю: на этих хрустальных шариках кусочки ее души. Но теперь нет души и нет ничего святого. Содраны с человеческих душ покровы. Сорваны — пропиты кресты нательные. На клочки изорваны родимые глаза — лица, последние улыбки-благословения, нашаренные у сердца... последние слова-ласки втоптаны сапогами в ночную грязь, последний призыв из ямы треплется по дорогам... — носит его ветрами».³

Сам повествователь не способен лишить себя связи с прошлым: он не может продать своего Павлина, хотя его уже

¹ Шмелев И. С. Солнце мертвых. С. 629.

² Там же. С. 497.

³ Там же. С. 522.

нечем кормить. Словно воплощение Хроноса, он бережет вокруг себя вещественные доказательства той, прошлой жизни. Недоедает сам, но кормит Тamarку, которая уже никогда не произведет молока, но в глазах которой отражается старое Солнце.

Произведение Шмелева проникнуто глубокой горечью, неприятием нового мира и новой психологии человека. Он призывает возвращаться к старому — к христианским добродетелям, к помощи ближнему. Новый политический строй и то, каким бесправным, жестоким стал человек — пугает Шмелева, откликается в эпосе мотивами смерти и упадка. Шмелев оставляет окончательное возрождение, торжество солнца за кадром, как бы давая героям самим разобраться с тем, какое солнце их ждет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Давыдова Т. Т.* Русский неореализм: Идеология, поэтика, творческая эволюция. М., 2005.
2. *Осьминина Е.* «Художник обездоленных» // Шмелев И. С. Собр. соч.: В 5 т. М., 1998. Т. 1. С. 3–12.
3. Славянская мифология: Словарь-справочник. М., 1998. С. 68–69.
4. *Соколов А. Г.* Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. М., 1991. С. 119.
5. *Шмелев И. С.* Солнце мертвых // Собр. соч.: В 5 т. М., 1998. Т. 1. С. 453–636.